

ЦЕНА 20 КОП.

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 6 ДНЕЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литературный Ленинград

ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 32 (54)

Адрес редакции: Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Тел. 560-58.

14 июля 1934 г.

О П О В Е С Т И „С Т Е П Ъ“

Неизданное письмо А. П. Чехова к Д. В. Григоровичу

Публикуемое ниже письмо Чехова к Д. В. Григоровичу, извлеченное нами из архива Института русской литературы Академии наук, относится к тому времени, когда Чехов работал над повестью «Степь».

Известно другое обширное письмо Чехова к Д. В. Григоровичу 12 января 1888 г., в котором он рассказывает о замысле «Степи», о процессе писания своей «степной энциклопедии», о своей неудовлетворенности этой работой. Письмо от 5 февраля того же года, публикуемые нами, говорит о задуманном Чеховым продолжении «Степи» и о будущей судьбе героя повести Егорюшки.

Тема повести Чехова оказывается неожиданно связанной с темой о самоубийстве семнадцатилетнего мальчика, в свое время предложенной Чехову для разработки Д. В. Григоровичем. В письме Чехову 30 декабря 1887 года Д. В. Григорович писал из Ниццы: «Будь я помоложе и сильнее дарованием, я бы непременно

но описал семью и в ней семнадцатилетнего юношу, который забирается на чердак и там стреляется. Вся его обстановка, все доводы, которые могли довести его до самоубийства, на мои глаза гораздо важнее и глубже причин, заставлявших Вертера положить на себя руки. Такой сюжет заключает в себе вопрос дня; возьми его, не упускай случая коснуться наиболее общественной раны: успех громадный ждет для о первого же дня появления такой книги».

Чехов в первом же ответном письме (12 января 1888 г.) писал Д. В. Григоровичу о трудности такой темы: «Самоубийство семнадцатилетнего мальчика — тема очень благодарная и заманчивая. Но ведь мне страшно братись! На измучивший всех вопрос нужен и мучительный сильный ответ, а хватит ли у нашего брата внутреннего содержания? Нет». Но тема эта взволновала Чехова, и он вновь обсуждает ее в следующем письме Д. В. Григоровичу — 5 февраля 1888 г.

О. БАЛУХАТЫЙ.

5 февраля (1888 г.).

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Третьего дня я кончил и послал в Северный Вестник свою «Степь», о которой уже писал Вам. Вышло у меня около пяти печатных листов, а пожалуй и более. Если ее не забракут, то появится она в мартовской книжке; Вам пришлю я отписку, о котором писал уже в редакцию.

Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь. Я залез в его владения с добрыми намерениями, но наорудил не мало. Три четверти повести не удалась мне. Около 10 января я послал Вам два письма: свое и В. Н. Давыдова. Получили ли? Между прочим, я писал в своем письме о Вашем сюжете — самоубийстве 17-летнего мальчика. Я сделал слабую попытку

воспользоваться им... В своей «Степи» через все восемь глав я провожу девятилетнего мальчика, который, попав в будущем в Питер, или, возможно, в Москву, кончит непременно плохим. Если «Степь» будет иметь хоть маленький успех, то я буду продолжать ее. Я нарочно писал ее так, чтобы она давала впечатление незаконченного труда. Она, как Вы увидите, похожа на первую часть большой повести. Что касается мальчугана, то почему я изобразил его так, а не иначе, я расскажу Вам, когда Вы прочтете «Степь».

Не знаю, понял ли я Вас. Самоубийство Вашего русского юноши, по моему мнению, есть явление Европы не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна

быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о пирокко, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой — необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячуугодового камня. В Зап. Европе люди погибают от того, что жить тесно и душно, у нас же от того, что жить просторно. Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться...

Вот что я думаю о русских самоубийцах...

Так ли я Вас повял? Впрочем, об этом говорить в письме невозможно, потому что тесно. Эта тема хороша для разговора. Как жаль, что Вы не в России.

У вас теперь тепло и сухо, и я уверен, Вы уже не кашляете. Курите табак полегче, а главное, покупайте гильзы для папирос получше. Часто в гильзах бывает гораздо больше яда, чем в табаке. До свидания.

Будьте здоровы, веселы и счастливы.

Вам искренно преданный
АНТ. ЧЕХОВ.